

МАСТЕРА
ЧАСОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ТА СТАРИННАЯ ВЕРА¹

ГДЕ-ТО ЗА ПРЕДЕЛАМИ СТАУФОРДА,
ШТ. КЕНТУККИ
1983

¹ Спиричуэл последних лет рабства и Гражданской войны. По сей день является церковным песнопением в ритуалах протестантского Возрождения (здесь и далее прим. пер.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Солнце висело низко над западным горизонтом, окрашивая лес своими ломаными лучами в оранжевые тона. В глубине души Имоджин Тремли знала, что до того, как оно снова взойдет, священник будет мертв. Она молилась об этом дне, молилась, чтобы другие узрели свет разума и, наконец, их время пришло. В прошлой жизни она бы сказала, что ее господь позаботился об этом, но теперь она была уже не так уверена.

В те дни Имоджин не знала, что именно слушало молитвы, которые она посылала во тьму, которые нашептывала в свои самые трудные минуты. После ужасов, свидетелем которых ей довелось стать в Божьей церкви Святых Голосов, она уже не могла с полной уверенностью утверждать, что ее бог милосерден.

Услышал ли он молитвы? Нет. Имоджин понимала, что сегодня фортуна решила улыбнуться ей, а другие наконец набрались смелости, чтобы выступить вместе против отца Джейкоба. Она боялась только одного: что они стали действовать слишком поздно, и детей его адской общины уже не спасти.

Автомобиль трянуло, когда они наехали на выбоину. Генри Прюитт на полной скорости мчался по

Тодд Кейслинг. ДЕВИЛЗ-КРИК

извилистым поворотам Девилз-Крик-роуд. Из-под визжащих шин брызгал мелкий гравий.

Сидящий на заднем сиденье Джерри Тейт наклонился вперед. Лицо у него было бледным и хмурым, губы поджаты.

— Господи, Генри. Мы хотим доехать целыми и невредимыми, понимаешь?

Стиснув зубы и сжимая руль побелевшими от напряжения пальцами, Генри миновал очередной поворот. Джерри раздраженно откинулся на спинку, вцепившись в водительское кресло.

В зеркале заднего вида сверкнули фары, пронзив вечернюю мглу. В нескольких ярдах позади них ехала на ржавом пикапе «форд» Мэгги Грин, а замыкал колонну Роджер Биллингс на своем стареньком «дожде». Петляя сквозь заросли Национального леса Дэниела Буна, они с демонической яростью мчались навстречу своей судьбе.

Имоджин оглянулась через плечо на заднее сиденье. Вид у Джерри был такой, будто его вот-вот вырвет. Гейдж Типтри встретился с ней взглядом, но ничего не сказал.

Невзирая на протесты Джерри, они оба знали, что, как бы быстро Генри ни ехал, этого недостаточно.

— И все же я думаю, нам нужно было обратиться к копам. По крайней мере, тогда бы нам не пришлось ехать одним.

— Мы уже пробовали, и это ни к чему не привело. Они боятся его так же, как и мы. Или мы, или никто,— произнес Генри бесцветным голосом, который звучал, как ветер, шевелящий кукурузную шелуху.

Все погрузились в молчание. «Тойота», грохоча, катила по грунтовке. Глубоко внутри Имоджин понимала, что Джерри прав — им следовало пойти в полицию, — но в словах Генри тоже была доля правды. Сколько раз они пытались привлечь внимание к ночным занятиям отца Джейкоба? Сколько потребовалось бы анонимных заявлений о жестоком обращении с детьми и изнасилованиях, прежде чем полиция, наконец, приняла бы меры?

«Слишком много, — сказала себе Имоджин. — А сколько бы детей еще погибло?» При мысли о внуке Джейки, возложенном на каменный алтарь отца Джейкоба, у нее закрутило живот. Она прогнала от себя этот жуткий образ, и сосредоточила внимание на дороге, мысленно возвращаясь к тому, что могла бы сделать, чтобы избежать такого исхода. Если бы она еще раньше раскрыла глаза, то, возможно, помешала бы Джейкобу промыть мозги ее дочери.

Имоджин закрыла глаза и обругала себя. «Что сделано, то сделано. Лауру тебе не спасти, но, возможно, ты спасешь маленького Джеки».

Возле дорожной развязки Генри сбавил скорость и остановился. Две разбитых колеи пересекали узкую лесную поляну и через несколько ярдов исчезали за поворотом. С незапамятных времен заросли, пожиравшие грунтовку, заставляли путников поворачивать вспять, но местные знали обходной путь.

Имоджин открыла глаза. Начало тропы напоминало зияющую пасть, поджидающую их, чтобы проглотить. Через полмили тропа спускалась в овраг, по которому тек ручей, впадающий в реку Камберленд.

На другую сторону они смогут перебраться через мостик, построенный несколько лет назад.

Оттуда рукой подать до ряда домов, или скорее хижин из картона и листового металла. Когда-то все они жили в тех домах, распродав имущество ради откровений отца Джейкоба и променяв свои привилегии и грехи на набожность и благоговение. За древней лес уступал место поляне, в центре которой возвышался Кэлвери-Хилл¹. На его вершине находилось сердце религиозной общины: небольшая побеленная церковь с черным шпилем. В яме под ней, в утробе этой пораженной скверной земли, они и найдут ублюдка.

Сердце Имоджин учащенно забилося. Она сунула руку в сумочку и вытащила отцовский револьвер, удивляясь тому, насколько тяжелой может быть такая маленькая вещь, и надеясь, что уроки отца не прошли даром.

Генри остановил машину и заглушил двигатель. Открыл багажник и повернулся к мужчинам, сидящим на заднем сиденье.

— Я не буду винить никого из вас, парни, если захотите сейчас отступить.

Джерри и Гейдж ничего не ответили, смотря прямо в лицо Генри. Затем, в знак молчаливого согласия между друзьями, все трое кивнули друг другу, что не осталось для Имоджин незамеченным. *Нужно довести дело до конца.*

— Джини, — произнес Генри, — Что насчет тебя?

¹ Холм Голгофы (англ.).

Имоджин положила отцовский револьвер себе на колени, рассеянно водя пальцем по заряженному барабану.

— Джейкоб отнял у меня мою Лауру. И я ничего не могла поделать, поскольку он сказал мне, что на то была воля Господа. Я не собираюсь повторять ту же ошибку со своим внуком. Он не получит его... не получит никого из детей. Сейчас мы — всё, что у них есть. Если сегодня я встречу со своим Создателем, то буду знать: я сделала все, что могла, лишь бы все исправить.

Ее слова повисли в воздухе, отзываясь звоном, словно церковные колокола. Все знали, что предложение Генри Прюитта отступить было абсолютно напрасным; никто из них не смог бы сейчас дать заднюю, даже если бы захотел. Только не после всего того, чему они позволили случиться. Сегодня ночью они искупят свои грехи, так или иначе.

Имоджин открыла дверь, нарушив тишину. При звуке низких утробных песнопений сердце у нее едва не выскочило из груди. Между каждым заклинанием раздавались пронзительные детские крики.

— Началось, — прошептала она.

Мужчины выбрались из грузовика. Генри оглянулся на нее и нахмурился. Он понимал, что это — их бремя, и только их.

Генри вытащил дробовик из багажника и дослал патрон в патронник.

— Тогда давайте покончим с этим.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Джейкоб Мастерс стоял у порога своей церкви и смотрел вниз с холма на сотворенный им рай. Его люди читали нараспев молитвы, готовясь к подношению, выкрикивали многие имена их нового повелителя. Их дети — *его* дети — пели стройно, произнося забытые слова бога сладкими херувимскими голосами. Он прислонился к дверному косяку и закрыл глаза, радуясь мягкому ветерку, шелестящему в деревьях, нашептывающему в уши, подобно голосу Господню. «*Ш-ш-ш,— говорил тот.— Вдохни. Прими в себя. Это твоя воля. Твоя воля и Старые Обычаи неразделимы*».

Его воля. Да. Кто еще отдал бы все, чтобы воодушевить свою паству? Не ложный бог язычников в Стауфорде. Они забыли Старые Обычаи, отвернулись от очищенного Священного Писания, пойдя на поводу у обманщика и узурпатора. Еретики променяли обычаи крови, огня и разноязычия на более лицемерное, фарисейское учение. Их грехи были метафорой, а дьявол — призраком, созданным ими самими. Не более чем завуалированными попытками заполнить головы прихожан заумной чушью и ложью.

Часть первая. ТА СТАРИННАЯ ВЕРА

«Путь Избранных закален огнем, освящен кровью и проложен по костям проклятых. Жители Стауфорда вспомнят Старые Обычаи, и очень скоро».

Его новый господь так ему и сказал, открыл глаза на правду, и Джейкоб увидел ее прямо перед собой. Упадок и разложение современного общества усиливались и распространялись вокруг подобно раковой опухоли. Разве он мог оставаться в стороне и позволить этой нечисти захлестнуть землю?

О, сколько времени он потратил впустую, ведя свою паству по ложному пути?

Джейкоб открыл глаза. «Довольно,— сказал он себе.— Пора вернуть Старые Обычаи». Из глубин памяти донеслась песня его юности, слова рвались наружу.

— Дайте мне ту старинную веру,— тихо запел он,— ее мне хватит вполне.

Недалеко от подножия холма, там, где поляна переходила в лес, из теней появились огни, и песнопение стало громче. Джейкоб улыбнулся, когда увидел багровые фигуры, вышедшие из-за деревьев.

На опушке стояли шесть прихожан, которые были облачены в красные мантии, покрашенные ими специально к этому дню. Красный цвет символизировал жертву, через него члены паствы отдавали дань уважения новому повелителю. Каждый нес лампу, освещая себе путь к церкви. А за ними, в белых мантиях, стояли их сыновья и дочери.

«Мои агнцы»,— подумал Джейкоб, с наслаждением почувствовав внезапную тесноту в районе промежности. Он провел рукой по выпуклости и втянул в себя воздух от возбуждения. Его маленькие агнцы.

Тодд Кейслинг. ДЕВИЛЗ-КРИК

Какая жалость, что очень скоро ему придется с ними расстаться. Но у его господ, как и у него, тоже есть потребности. В конце концов, он и сам лишь слуга.

Все-таки в основе Старых Обычаев лежало жертвоприношение. Жертвоприношение и много страданий.

Пение усилилось, и когда оставшиеся прихожане появились из леса, их лица сияли в свете фонарей. Джейкоба охватила радость. Его паства, его дети пришли сюда, чтобы увидеть, как вся их тяжелая работа увенчается успехом. Сегодняшняя ночь и все последующие будут приближать их на шаг к новому миру. Новый земной рай, свободный от язычников и еретиков.

И здесь, где он впервые услышал нашептанные ему истины о подлинном боге, он станет апостолом своего повелителя, спасителем своей паствы.

Джейкоб присел в дверях и провел пальцами по клочку голой почвы у своих ног. Погрузил руки в землю, ощущая легкую вибрацию от спящего в ней бога. Вытащив их, он извлек вместе с ними толстого дождевого червя, который обвился вокруг безымянного пальца. Поднес кисть к лицу и улыбнулся.

— Да исполнится воля Твоя, мой господь, моя любовь, мой свет.

Отцепив червя, он зажал его между зубами и откусил нижнюю половину. Верхнюю бросил к своим ногам, и та, извиваясь, упала в разрытую, похожую на открытую рану, ямку. Наслаждаясь горьковатым, металлическим привкусом, Джейкоб мысленно поблагодарил бога за подарок. Червь свернулся в клубок, после чего начал зарываться в уютную рыхлую

